

Александр Ефрешин опаздывает. Он заблудился в метро. Передвигаться одному по трехмиллионному городу Киеву до сих пор для него непривычно. Освобождения пришлось ждать годами. Гораздо дольше, чем следовало бы. В 2011 году ныне тридцатилетний Ефрешин, гражданин Украины, получил восемь с половиной лет тюрьмы за кражу автомобиля, в апреле 2014 переходным президентом Александром Турчиновым было подписано постановление об амнистии, в соответствии с которым Ефрешина должны были освободить. Не получилось. К своему несчастью отбывал срок в так называемой Луганской Народной Республике.

„В 2014 году вышла амнистия, под которую я попал, но ко мне ее не смогли применить, так как в Луганске начались переворот и позакрывались суды и все государственные учреждения. Адвокат подала ходатайство, чтобы ко мне ее применили, но после того, как она приехала в Луганск, то это решение суда отказались исполнять, сказали, что мы другое государство, мы не будем исполнять.“

Когда восток Украины был оккупирован сепаратистами и российскими военными, Александр Ефрешин находился в штрафной колонии. По словам Валерии Лутковской – омбудсмена по правам человека - непропорционально большое количество таких колоний, где осужденные, как правило, отбывают свои сроки, находится на востоке страны.

„На востоке Украины было около 20 процентов всех пенитенциарных учреждений Украины всей и традиционно там действительно очень большое количество людей, которое находится в местах лишения свободы.“

И преобладающее большинство этих восточнукраинских штрафных лагерей расположено на оккупированной территории Донецкой или Луганской области – т. е. находится в ведении сепаратистов – сообщает тридцатилетний Павел Лисянский, несколько лет назад учредивший организацию помощи «Восточная правозащитная группа».

„Когда Украина потеряла контроль над частью территории, 11 из 12 мест лишения свободы осталось на неподконтрольной территории именно в Луганской области.“

Т. е. почти все. Свыше 5.000 человек отбывают срок в так называемой ЛНР – Луганской Народной Республике. Многих из них, подобно Александру Ефрешину, после 2014 года следовало выпустить на свободу, однако, они по-прежнему находятся в колониях. Представители так называемых народных республик используют их в качестве дешевой рабочей силы. Согласно показаниям бывшего заключенного Ефрешина, всех осужденных принуждают выполнять тяжелейший физический труд.

„Ну, сначала я работал, пилил лес, тяжелая работа, потом перевели на еще тяжелее работу – я уже делал бетонные блоки для строительства. Они продавали. Это все внутри колонии, ж/б затыжка, это для шахт, которых много на Донбасе. Я в семь утра выходил на работу и в семь вечера возвращался. Зарплаты нет. Ну, там давали раз в месяц пачку сигарет. Это у нас в Украине работа необязательна, ты можешь работать только два часа в день, это как отработка – а они сказали, у нас теперь трудовые колонии, работать обязательно, отказ от работы – это ДИЗО, карцер.“

Невольно вспоминаются ГУЛАГи советского периода. Восточной правозащитной группой во главе с Павлом Лисянским проведено 74 интервью с заключенными, их родственниками и с очевидцами, переживших массивное нарушение прав человека или ставших их свидетелями.

Он упрекает новых властей оккупированного Донбасса в создании целой сети лагерей с подневольными работниками, называя их ГУЛАГаами, санкционированными Москвой.

„Вот на сегодняшний день так получилось, что мы в центре Европы, в географическом центре Европы, получили небольшие какие-то рабские государства.“

В штрафных колониях провозглашенных сепаратистами народных республик, по словам Лисянского около 10 тыс. заключенных принуждают к выполнению тяжелейшего физического труда.

„Такая ситуация по ЛНР и ДНР – это прямое нарушение прав человека. И еще один момент. Все заключенные – они там работают. Нарушается право на труд, их принуждают к труду, и то, что они производят, это продается и за счет этого обогащаются руководители республик, так называемых. Таким образом получается, что люди находятся в рабстве. Это и рабский труд, и физическая расправа и борьба с инакомыслием и недостаточное питание этих заключенных. И главное – мы нашли, почему их не отдают. Они их не отдают, потому что они для них рабы. Для них отдать одного человека – это потерять доход.“

Прибыль распределяется народных республик для финансирования их режима, установленного и содерживаемого с помощью России. По оценкам Восточной правозащитной группы доходы, достигаемые таким образом одними только Луганскими властями, составляют 300 – 500 тыс. евро в месяц. Для сравнения активистами приводятся данные 2012 года. За исключением трех во всех колониях заключенные работают, как тогда, однако теперь без оплаты. В этом, видимо, и заключается главная причина тому, что заключенных задерживают, как можно, дольше.

Адам, 37 лет, женат, имеет детей, в соответствии с постановлением об амнистии должен был быть освобожден три года назад. Встретиться с ним невозможно, но удалось поговорить по телефону. Он также является заключенным в лагере принудительного труда. Настоящее его имя не Адам. Согласился на запись интервью при условии, что не назовут его настоящего имени.

S.A.: Расскажите, пожалуйста, чуть-чуть о себе, где Вы находитесь и почему Вы там находитесь.

Adam: Где я сейчас нахожусь? Это Красный Луч, Луганская область, колония № 19. Срок у меня уже 8 лет и семь месяцев. Общий срок 10 лет...был. Сейчас уже меньше. Я не работаю.

S.A.: Вам сказали, что Вы обязаны работать?

Adam: Да, все должны работать, крутят сетку, рабицу, носят блоки, пилят. Все, что связано с тяжелой работой, ремонтируют, ну, много всего...

S.A. И они за это получают деньги?

Adam: Нет, деньги никто не получает. Сигареты и чай получают. Нет, питание, как у всех.

S.A.: А сколько человек там находится и сколько работают?

Adam: Сколько зеков? Около 600 человек, а работает, наверное, человек 400, может, чуть больше. 400 – больше половины работает. Есть право отказаться, но тогда жизнь потом становится не очень приятной.

S.A. Как они реагируют, когда человек отказывается работать?

Adam: Ну, они в основном, пишут нарушения, а когда нарушения накапливаются, там определенное количество, тогда закрываются в подвал. Самое меньшее – это 15 суток, самое большее – три месяца, а после этого уже идет полгода.

S.A. А Вы помните, как режим изменился, когда началась оккупация?

Adam: Сначала из администрации больше половины убежало. Мы сидели в здании, вокруг бомбили. Потом все вернулись сюда, и режим поменялся. Теперь режим очень строгий.

S.A. У Вас есть шанс быть освобожденным?

Adam: У меня уже официально есть решение суда украинского, что я свободен. Получил в прошлом году ввиду амнистии. Новые шефы повесили объявления, что не исполняют указы другого государства, т. е. Украины.

Адам также попал в так называемый изолятор – одиночную камеру в подвале. Дата его освобождения вилами по воде писана. У Адаме есть мобильник, как у всех заключенных. У Александра Ефрешина, ныне находящегося на свободе, даже был смартфон. Это его и спасло.

„Написал я в Красный Крест с электронной почты в телефоне, оставил контакты своей сестры, и спустя три дня позвонил Паша Лисянский и говорит, что его заинтересовала моя проблема и хочет помочь.“

Красным Крестом дело было передано Восточной правозащитной группе, занявшейся проблемой в конце прошлого года. Спустя четыре месяца, 20 марта текущего года, Ефрешин наконец держал в руках свидетельство луганских властей об освобождении, а также новый паспорт, так как украинские документы сепаратистами не признаются.

Весть об освобождении Александра Ефрешина в штрафных колониях распространилась моментально. Смартфоны с тех пор запрещены. Адам, с которым разговаривали мы, хотел бы, чтобы Павел Лисянский помог и ему. В общей сложности помощи попросили свыше 100 человек. Вероятность, что будет найдено всеобъемлющее решение проблемы, невелика, ибо даже высокопоставленные политики в Киеве ничего не знают о принудительном труде – источнике финансирования оккупированных территорий и причине задержки заключенных дольше срока.

Вице-президент парламента, к примеру. Оксана Сыроид и ее партия «Самопомощь» относятся к числу наиболее критических голосов в Киеве. Ее партия покинула правительственную коалицию с партией президента Петро Порошенко и ныне работает в оппозиции.

„Все жалуются, что украинские граждане на оккупированных территориях страдают, и это так. Мы не в состоянии им помочь, потому что законы Украины там не действуют. Россия на себя ответственности за этих людей не берет, поскольку факт оккупации не признает. То же самое

касается заключенных, находившихся в колониях до оккупации. Законы Украины до них не достают. Туда невозможно поехать ни полиции Украины, ни прокуратуре, ни даже мне.“

По мнению Оксаны Сыроид частичная вина за сложившуюся катастрофическую ситуацию принадлежит и самому президенту, отказывающемуся объявлять военное положение. Дискуссия вокруг этого вопроса в Украине ведется почти столько же, сколько ведутся боевые действия на востоке страны. Ведь использование армии в собственной стране - довольно спорный правовой вопрос.

Беспартийная Валерия Лутковская – омбудсмен по правам человека – в печальной ситуации заключенных, привлекаемых к принудительному труду, отчасти винит украинское государство, хотя главный виновник, конечно, не оно.

„Действительно в связи с конфликтом эти люди оказались, по сути дела, двойными заключенными. С одной стороны, в соответствии с решением судов они должны были отбывать наказание, а с другой стороны, уходя из опасных регионов, по сути государственные органы их оставили без какой бы то ни было помощи со стороны государства.“

Страдают также семьи осужденных. Заключенных штрафных колоний на оккупированных территориях Луганской и Донецкой области нельзя навестить. Слишком велика опасность быть воспринятым сторонником Киева. Александр Ефрешин это знает по своей семье. Ей даже не разрешили отправить ему в тюрьму посылки с едой, которые ввиду тяжелого физического труда и плохого питания ведь так бы емугодились.

Правозащитник Павел Лисянский жалуется на отсутствие воли в Киеве серьезно заняться проблемой забытых заключенных. Их называют уголовниками, преступниками. В отличие от военнопленных у них нет лобби.

„Заключенные не по политическим статьям и за них никто не ведет диалог. Они не военнопленные и на минских переговорах за них вот только-только начали говорить. И у нас в Украине до сих пор нет закона, который мог бы каким-нибудь образом регламентировать, что нам с этими людьми дальше делать. Они ведь сейчас никому не нужны, а ведь фактически нарушено их право.“

Активист-правозащитник Лисянский родом сам из Луганска. Если бы он сегодня туда приехал, сепаратисты его, наверное, сразу же арестовали. Актуальной информацией о положении на Родине он все же располагает, соратники рассказывают о попытках вербовки в штрафных колониях. Сепаратисты предлагают сократить срок желающим присоединиться к отрядам боевиков. Лисянский рассказывает о конкретном примере двух заключенных, которым таким образом удалось избавиться от принудительного труда.

Валерия Лутковская, омбудсмен по правам человека, добилась большего, чем известно общественности. Но она об этом не говорит, поскольку считает свою работу далеко не законченной. Не стоит рисковать успехом.

„Я делаю все возможное для того, чтобы этих людей максимально перевезти на подконтрольную территорию. Мы действуем тут в нескольких направлениях. Направление

первое – это перемещение тех, которые сегодня еще отбывают наказание. По состоянию на сегодняшний день мне удалось перевезти 176 человек.“

В основном это осужденные на большой или даже пожизненный срок. С каждым транспортом ей удается вывезти из так называемой Донецкой Республики на подконтрольную Киеву территорию максимально 20 человек.

Валерия Лутковская рассказывает исключительно о существовании и перемещении заключенных. О принудительном труде в так называемых народных республиках омбудсмен пока не говорит, даже не использует этого термина.

„У меня есть определенного рода информация, потому что мы конечно разговариваем отдельно с каждым человеком, которого мы смогли перевезти с неподконтрольной территории. Сейчас переговоры продолжаются и сейчас, поскольку я заинтересована в том, чтобы перевезти как можно большее количество людей, я не готова комментировать ту информацию, которую мы получаем.“

В отличие от директора Восточной правозащитной группы Лисянского, упомянувшего цифру 10 тыс., Лутковская очень осторожна также с ответом на вопрос о числе находящихся на неподконтрольной территории заключенных.

„Это очень сложный вопрос, сложный, потому что до сих пор нет реестра заключенных и мы не знаем, сколько человек осталось на неподконтрольной территории, поскольку мы не знаем, сколько людей было отпущено де факто властью на территорию Донецкой и Луганской области. С так называемой ДНР хотя бы можно договориться о передаче тех людей. С так называемой ЛНР также договориться не удастся. Оттуда я не смогла переместить ни одного человека.“

Последнюю попытку посетить оккупированную Луганскую область Лутковская предприняла в начале июля, однако, снова получила отказ. В общей сложности на территории «народных республик» существует свыше 20 штрафных колоний.

„Есть колонии 150 – 200 человек, есть колонии значительно более населенные. И сейчас там уже есть и те, кто там отбывал наказание до конфликта и те, кто был осужден судом на территории так называемых народных республик, и тех, кто был захвачен по сути в плен в результате военного конфликта. Поэтому предположить количество сложно.“

Самый большой из штрафных лагерей, колония № 17, находящаяся под Луганском, рассчитана на 1.500 заключенных. Павел Лисянский собирает сведения о нарушениях прав человека как на подконтрольной Киеву территории, так и на оккупированной территории Донбасса. Помимо подневольных работников в его фокусе находятся и недавно осужденные, которых пока никто не поддерживает.

„По несуществующим законам ЛНР за три года войны осуждено уже 3.200 человек. Эти люди отбывают наказания, работают в лагерях. Возможно среди них есть те люди, которые совершили преступление, но у них не было права на адвоката, на правосудие, не было объективного подхода к расследованию их дела, какие они сроки получали. 3.200 человек. И кто осуществляет правосудие над этими людьми. Кто себе позволил. Мы этого не знаем, а мы это должны исследовать для того, чтобы знать во-первых, что сделать с этими людьми и

с теми, кто судит этих людей. Потому что я не уверен, что там только судьи ЛНР. Там могут быть судьи из России.“

Но у маленькой группы правозащитников нет средств на подобные расследования. Она выступила с требованием к правительству Украины составить список заключенных и позаботиться об их перемещении на подконтрольную ей территорию. Требуется также проверять правильность сведений очевидцев о случаях применения рабского труда, одиночного заключения и пытки в трудовых лагерях так называемых народных республик.

От властей самопровозглашенных государств правозащитники требуют прекратить практику применения принудительного труда, пыток и насилия, расследования подобных случаев и отстранения виновных от должности. Активисты требуют, чтобы международные организации, как ООН, Международный красный Крест и ОБСЕ получили доступ к штрафным колониям. К России группа обратилась с призывом оказывать влияние на руководителей республик.

Наша просьба прокомментировать обвинения в применении практики неоплаченного принудительного труда, пыток и несанкционированного лишения свободы осталась без ответа. Реакции от администраций так называемых правительств в Луганске и Донецке не поступило.

На встречах нормандской четверки – Германии, Франции, Украины и России тема рабского труда в оккупированном Донбассе пока не играла роли вообще. А за столом переговоров в Минске прогресса в этом вопросе пока не достигнуто.

„Очень долго вопрос именно перемещения доконфликтных заключенных была тема, которой занималась только я. Потом действительно эта тема возникла в Минске на минских переговорах. Но в Минске самый главный вопрос – это вопрос освобождения заложников.“

Сообщает Валерия Лутковская – омбудсмен по правам человека. Павел Лисянский по вопросу подневольных работников в тюрьмах сепаратистов обратился также в Верховную Раду – к депутатам парламента Украины. Пока без результата.

„ Меня пока никто не слышит, потому, что многие общественники, многие правозащитники защищают политзаключенных, военнопленных. Я согласен, это надо делать, но кто-то ж должен думать и о заключенных, нельзя их так просто игнорировать, потому что это тоже люди, это тоже часть нашего общества, и если мы сейчас ее проигнорируем, она обозлится и будут плохие последствия.“

Он полон решимости дальше бороться за защиту прав заключенных в ГУЛАГах так называемых народных республик, именно потому, что их интересов никто не лоббирует.